

DOI 10.5862/JHSS.244.14
УДК 316.27

А.В. Малинов

КРИТИЧЕСКОЕ ПОСТРОЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ (Из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского)*

Статья подготовлена на основе рукописи академика А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) «О социологии», отложившейся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 113). Рассмотрены взгляды Лаппо-Данилевского на неокантианское направление в социологии, в частности на концепцию «возрожденного естественного права» Р. Штаммлера. Оценивая в целом положительно социально-философское учение немецких неокантианцев, русский ученый критикует Штаммлера за непоследовательное проведение «формального принципа» в социологии, игнорирование проблемы «чужого я» и т. п. А.С. Лаппо-Данилевский считал, что в основе социального учения должно лежать не внешнее правило, а понятие взаимодействия. В статье приведены фрагменты его рукописи.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ; КРИТИЦИЗМ; НЕОКАНТИАНСТВО; ПРАВИЛО; ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ; Р. ШТАММЛЕР.

В исследовательской литературе и словарях взгляды Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) по большей части классифицируются как неокантианские. Вместе с С.И. Гессеном Лаппо-Данилевский входил в состав петербургской редакции неокантианского журнала «Логос», а его главный философский труд «Методология истории» наполнен неокантианской терминологией и ссылками на немецких неокантианцев, прежде всего на В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Известна критическая оценка позитивизма, высказанная Лаппо-Данилевским в большой статье «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», опубликованной в сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1902). Неокантианство же не получило со стороны ученого столь подробной оценки. Отчасти этот недостаток компенсирует рукопись «О социологии», отложившаяся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [1]. Она содержит раздел «Критическое построение» [Там же. Л. 323]. Встречаются и другие заглавия этого раздела: «Немецкое социально-философское

направление» [Там же. Л. 314], «Гносеологическое построение», «Гносеологический принцип научного построения социальных отношений» [Там же. Л. 340], но практически нигде Лаппо-Данилевский не называет его неокантианским. В рукописи записи на эти темы [Там же. Л. 314–342] включают конспекты разных сочинений на немецком языке, библиографические выписки, краткое изложение взглядов немецких мыслителей и их критику. В критическом построении Лаппо-Данилевский различал два подхода: «субъективный метод» и «имматентный идеализм». В рукописи это различие только обозначено; подробно оно не рассматривается. К первому подходу ученый относил И. Канта, Р. Штаммлера, Г. Зиммеля (с пометкой «отчасти») и П. Наторпа, ко второму – А. Наввиля, В. Виндельбанда, А. Ксенополя и Э. Ласка (фамилия последнего была упомянута, правда, лишь в скобках). Из всех перечисленных авторов в рукописи Лаппо-Данилевский остановился только на Р. Штаммлере.

Современному историку философии имя Рудольфа Штаммлера (1856–1938) мало известно. В немецком неокантианстве рубежа XIX–XX вв. были и более крупные фигуры. Традиционно Р. Штаммлера относят к марбургской школе неокантианства, лидеры ко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-03-00301).

торой (П. Наторп, Г. Коген, Э. Кассирер) оставили в историко-философской тени достижения своего коллеги. По-иному оценивали Штаммлера современники, в том числе и Лаппо-Данилевский. Для них Штаммлер был крупнейшим представителем школы «возрожденного естественного права», они ставили его работы в один ряд с «Критикой чистого разума» И. Канта. В строгом смысле Р. Штаммлер не был философом, он был профессором гражданского права в Галле. Обращение Штаммлера к теории естественного права, вероятно, импонировало и самому Лаппо-Данилевскому, поскольку в своих исследованиях он как раз прослеживал рецепцию естественно-правовых идей в России XVIII в. [2–4]. Естественное право позволяло преодолеть господствовавшую в юриспруденции позитивистскую доктрину, связывало правоведение с социально-философской проблематикой и возвращало право к его исходной идее, роднящей его с этикой, – идее справедливости.

Особенностью марбургской школы неокантианства было внимание к гносеологическим вопросам, в частности к процессу формирования понятий, при помощи которых человек познает мир. Это имеет отношение и к познанию социальной реальности. «Приверженцы теоретико-познавательной точки зрения, – писал Лаппо-Данилевского, – стремятся опознать „общезначимые условия“ социологического познания и основной принцип единства социологических понятий» [1, л. 325]. К анализу гносеологического направления в рукописи «О социологии» ученый обратился сразу после критического разбора учения «русской социологической школы» или субъективного, или этико-психологического направления. В качестве недостатков «русской социологической школы» он указывал смешение познавательного принципа с этическим отношением, психологического построения с нормативным, субъективного метода с изучением чужой оценки. Лаппо-Данилевский полагал, что концепция Штаммлера лишена этих недостатков:

«1) он строго отличает *познавательную точку зрения* от V_2 – см. его определение понятия о соц[иальной] жизни и в регулятивном понимании E;

2) он в построении понятия о *нравственном* начале не упускает из вида момент *дол-*

женствования – ср. его теорию процесса» [Там же. Л. 314].

К сожалению, не все символы и сокращения в рукописи Лаппо-Данилевского поддаются однозначной расшифровке. Так, M обозначает среду, Σ – консенсус, E – эволюцию, +E – прогресс, W – взаимодействие (иногда – отношение), WW – множественность взаимодействий, т. е. взаимодействия, S – правило (в некоторых случаях – социальную среду).

При изложении учения Штаммлера Лаппо-Данилевский опирался на его книгу «Бизнес и право» (*Wirtschaft und Recht*. Leipz, 1896), приводя цитаты и выписки (со с. 83–125). Нумерация, которую приводит Лаппо-Данилевский, не всегда выдержана, что объясняется черновым характером рукописи, не предназначавшейся для печати. В круглых скобках указываются соответствующие страницы книги Штаммлера. По словам Лаппо-Данилевского, Штаммлер «сознательно стоит на *формальной* точке зрения критической философии и разыскивает *конститутивный* принцип для определ[ения] соц[иальной] жизни, *всякого* соц[иального] союза (103, 104, 647). В этом смысле такое определение должно обладать лишь формальными особенностями (88) и должно быть лишено меняющегося исторического содержания (87), в нем должны быть указаны не *причины*, а признаки (формальные) изучаемого явления, тем паче не должно быть дано оценки его содержания, как лицами его осуществляющими (105), так и о нем судящими (110–111).

Определяется *понятие социальной жизни* (83) или общества (?83).

1) „Конститутивным моментом социальной жизни надо считать только подчинение сожителства людей внешним правилам“ (104). Каждый подчиненный правилам (*Regelunterworfenen*) может следовать им ввиду *эгоистических или альтруистических* интересов – это всё равно.

Указанное определение относится к *людям* (а не животным); это понятие составляет существенную его часть (100). *Правило* способны соблюдать только люди. Правило предполагает *сожителство* людей, ему подчиняющихся.

2) Под *Regel* надо понимать какое бы то ни было правило, соблюдение которого необходимо для установления взаимодействия. <...> Поэтому уже язык требует таких правил „услов-

ного” (а не правового) характера <...> к числу „правил” относятся и обычаи, нравы, и этикет, и право в узком смысле вообще всякой нормы (91)» [1, л. 315–317].

Формально-критическое направление должно было бы стремиться вывести принцип социальности из внутренней, трансцендентальной природы субъекта. Штаммлер же говорит о внешнем правиле. В этом случае, например, любое принуждение будет считаться формой социальной жизни (что сближает точку зрения Штаммлера с учением Э. Дюркгейма), и тогда центральной становится проблема власти (господство и подчинение). Это позволило Лаппо-Данилевскому заключить, что формальная (кантовская) точка зрения в построениях Штаммлера не выдержана. Штаммлер считал основополагающим признаком социальности следование правилу. Лаппо-Данилевский же отмечал, что из определения социальной жизни, которое дает Штаммлер, выпадают такие явления, как сознание рода, симпатия, подражание, гипноз, внушение, «как не совершающиеся по (unter) правилам, установленным людьми» [Там же. Л. 319]. Лаппо-Данилевский видит в учении немецкого правоведа пережитки лейбницианства, преодолением которого могло бы служить признание чужой душевной жизни. Во внимании к проблеме чужой одушевленности русский ученый, в частности, видел преимущество подхода Г. Зиммеля. К формам социальной жизни, что упускает из виду Штаммлер, относятся также нарушения правил, отклонения от них. Для социологии не безэвристичными могут оказаться сравнения человеческого общества с организациями жизни у животных, которые определение Штаммлера априорно отбрасывает.

В рукописи критика Лаппо-Данилевского выглядит следующим образом: «1) *Гносеологический характер* не выдержан:

а) *Почему конститутивным* признаком должно служить *не W*, а правило? Ведь и *W* и правило – категории одной *Relativität*¹ и понятие об отношении в сущности ведь логически даже предшествует понятию модальности.

б) Признания *чужого одушевления* как условия существования отличного от предустановленной гармонии у Ш[таммлера] нет.

с) Психологический характер определения обнаруживается в употреблении терминов <...> <...>

Сам Ш[таммлер] не признает *социальных явлений в групповой жизни животных* – 95, 97, 116–117; но даже с точки зрения его определения можно говорить о социальной жизни у животных <...> Между тем при отрицании подобного рода фактов *переходной ступени* между животными и людьми нет (116) <...>

с) Социальной „материей” надо считать не только хозяйство, но и дух; и то и другое подчиняется правилам.

д) Ш[таммлер] определяет не столько *социальное явление*, сколько социальную *жизнь*, не различая одно от другого.

Между тем соц[иальное] явление не предполагает непременно предсуществования общества, а социальная жизнь предполагает.

е) *Von Menschen <...> Regel* – предполагают (в действительности) самое *созидание* их; последний процесс (состоящий из социальных взаимодействий) – значит не будет социальным?

Сверх того, лишь путем *нарушения старых правил* иногда возможно созидание новых. В таких случаях мы будем иметь действие *вопреки* правилам (пока, до создания новых, единственным существующим) – а не соответственно им (unter Regel²).

ф) Как Дюркгейм, так и Штаммлер придают *исключительное* значение только $W(S, A)$, где S = чужим представлениям и проч. (Дюркгейм) или S = внешнему правилу, происходящему от людей (что предполагает предсуществование группы их).

$W(S, A)$ ведет к тому, что $J = f(S)$, что возможно, однако (да и то с ограничениями), лишь при $E_n(S)$, где $n > 1$. Если $J = f(S)$ придавать исключительное значение, то придется отрицать возможность $S = f(J)$ (т. е. случаи влияния героя или гения на толпу и проч.).

Даже предполагая, что последнего рода отношения имели больше значения в прошлом, чем получают в будущем человечества, их нужно иметь в виду при *общем* определении социального явления.

Самое возникновение новых правил путем *нарушения* старых часто подходит под формулу

¹ *Relativität* (нем.) – относительность, соотнесенность.

² *Unter Regel* (нем.) – в соответствии с правилом.

$S = f(J)$; хотя она годится и для других случаев» [1, л. 318–321].

К критике определения социального явления, предложенного Штаммлером, можно отнести еще один фрагмент рукописи Лаппо-Данилевского, в котором он предварительно отмечает регулятивное значение принципов среды при социальном консенсусе и эволюции. На примере с шахматистами Лаппо-Данилевский показывает, что следование двумя индивидами в своих поступках одному и тому же правилу или правилам еще не означает взаимодействия между ними.

«2) *Узость определения*

а) *Условия соц[иального] явления.*

а) Психофизические – напр[имер], для образования языка.

б) Результаты простейших WW сами становятся в виде, напр[имер], „социальных правил” условиями WW.

Вообразим, что А решает задачу шахматной игры; В решает также (положим) ту же задачу.

А и В действуют *каждый порознь* и тем не менее подчиняются *одному и тому же* правилу.

Ясно, что можно говорить о $W(S, A)$ и $W(S, B)$, поскольку А и В могут зависеть в своих действиях от правил игры, установленных, признанных данным обществом.

И тем не менее, очевидно, такого условия (т. е. подчинения А и В тому же правилу) еще не достаточно, чтобы говорить о $W(A, B)$ или $W(B, A)$.

Отсюда общее заключение: к данным WW: $W_1(S, A)$ и $W_1(S, B)$ нельзя еще заключать о наличии $W(A, B)$ или $W(B, A)$.

Для того чтобы между А и В возникло отношение, им, конечно, нужно соблюсти *условие*: следовать правилам игры, но отношение между ними будет лишь тогда, когда А действительно будет сражаться с В» [Там же. Л. 327].

Следующие возражения Лаппо-Данилевского связаны уже с учением о социальном прогрессе, разработанном немецкими неокантианцами. Здесь помимо Штаммлера Лаппо-Данилевский упоминал еще П. Наторпа. Социальная эволюция, считал русский ученый, понимается немецкими неокантианцами как телеологический процесс, т. е. социальное развитие происходит на основе целеполагания, а все социальные действия движутся целевыми причинами, что исключает иной вариант

социальных детерминаций (каузальный). Это приводит к не всегда оправданной этизации социального развития и фактической замене представления об эволюции теорией прогресса или регресса. В изложении Лаппо-Данилевского это учение и его критика принимают следующий вид:

«А) *Регулятивное* значение понятия о +Е.

В) *Самое понятие* о +Е строится (примерно-прав[ильно]) след[ующим] образом:

1) *Специфическая* особенность человечности – *целеполагание*.

2) Специфический характер целеполагания – *свобода*.

3) Специфический характер свободы – *нравственная воля*, полагающая *абсолютно нравственные цели*.

4) Значение +Е надо строить по +Е_n и его „законы” будут не законами в естественнонаучном смысле слова, в *телеологическом* смысле.

В таком построении понятие о *причинно-следств[енной]* связи между явлениями упускается из виду, а понятие об *эволюции* S переходит в понятие о *прогрессе* или *регрессе*, включающем отнесение цели Е к абсолютной (*этической*) ценности, и не дает еще *объективного* критерия развития в научно-социальном смысле» [Там же. Л. 322].

Итог своим критическим рассуждениям Лаппо-Данилевский подвел в разделе «Заключение», отчасти повторяя ранее высказанные замечания:

«*Вышеприведенные* определения соц[иальных] явлений – не общие, а сделаны с одной какой-нибудь точки зрения.

1. *Условия* W:

а) гносеологическое: признание чужого одушевления (Гиддингс),

б) феноменологическое и частное: внешние правила (Штаммлер).

2. WW = социальное явление.

3. Разновидности WW:

(инстинктивные и волевые) – не останавливались. А) *Волевая* (ассоциация – Гиддингса),

Антитетические: встреча враждебных изобретений; встреча противоположных изобретений.

Синтетические: симпатии

Подражания

Соответствие

В) *Нормирование*

Приказаний и повиновений (Tarde).

Принудительные (Contracté extérieure³ – Дюркгейм).

Регулированные (äußerlich Regel⁴ – Stammler⁵).

Общим всем перечисленным видам всё же остается *W* двух или нескольких индивидуумов.

Определение Р. Штамллера вызывает след[ующие] недоумения:

1) В нем явно смешаны правила, обуславливающие взаимодействие живых индивидуумов с „внешними” правилами социальной жизни. Правила психофизического свойства *предшествуют* взаимодействию, внешние правила социальной жизни *следуют* за ним, им обусловлены. Напр[имер], совершенно не мыслимо образование языка.

Из данных WW $W_i(S, A)$ и $W_i(S, B)$ нельзя еще вывести прямо $W(A, B)$ или $W(B, A)$.

2) Оно недостаточно специализировано. Если разумеет под *Zusammenleben* одно сосуществование, а под *Regel* – *всякое* правило, то, очевидно, всякая совокупность объектов будет подходить под такое определение. Надо поэтому определить, что такое *Zusammenleben von Menschen*⁵, и установить *определенное* правило, при котором возможно *всякого* рода сожительство людей. Очевидно, что в основе „внешней согласованности” лежит *признание чужого одушевления* (в данном случае всё равно, будем ли мы считать это признание конститутивным или регулятивным принципом обществоведения). Штаммлер *ни слова* не говорит о нем ни в рассуждении, приводящем к определению соц[иальной] жизни, ни в этом последнем. А между тем коренное различие между предустановленной гармонией единичных существований (теория эта справедливо не заслуживает признания со стороны автора) и „внешней согласованностью” состоит в том, что в основе последней лежит это признание чужого одушевления.

<...>

3) Понятие внешнего соподчинения (äußerlich Regel) не достаточно для выведения

взаимодействия между соподчиненными элементами. Между двумя солдатами в строю нет взаимодействия, а есть оно между *каждым* из них или всею *суммою* их и начальником. Но в тех случаях, когда начальник не индивидуум или группа таковых, а правило, тогда, очевидно, и взаимодействия нет, а нет его, то нет и общества воинов, ибо все они оказываются просто *суммою* (агрегатом?) единиц, что сам Штаммлер считает очевидно недостаточным для определения понятий об обществе (см. выше).

Некоторые группы соц[иальных] явлений в определении самого Штамллера не подходят под общую формулу. „Konventionelregeln”⁶, напр[имер], (обычай, моды, этикет и т. п.) в противоположность Rechtsregel⁷ – определяется как норма, обладающая внутреннею, а не внешнею принудительностью. Если бы Штаммлер приписывал Konventionelregeln – *и* без взаимодействия индивидуумов, порождающих такое явление в своей среде.

Т[аким] о[бразом], понятие взаимодействия является не только необходимым, но и достаточным формальным признаком соц[иального] явления. Правда, что здесь всегда следует результат взаимодействия *живых индивидуумов*; но и в определении Штамллера речь идет о *Zusammenleben von Menschen*, причем последний термин (Menschen), очевидно, гораздо уже, чем нами употребляемый. Сам Штаммлер не дает вполне точного определения именно потому, что это вводит в него понятие взаимодействия, то вычеркивает.

Логическим <неразб.> по отношению к взаимодействию действительно будут правила (или условия), но психофизического (индивидуального) свойства.

4) Штаммлер противопоставляет изолированность зависимости от внешних правил. Но понятием, противоположным изолированности, надо считать просто жительство в обществе, а не зависимость от внешних правил; последнее понятие лишь *часть* понятия о жителях в обществе.

5) Наконец, Штаммлер смешивает *конкретный* объект обществоведения с отношениями, в нем обнаруживающимися и могущими иметь более общее значение, чем этот объект.

³ Contracté extérieure (фр.) – открытый контракт.

⁴ Äußerlich Regel (нем.) – внешнее правило.

⁵ Zusammenleben von Menschen (нем.) – сосуществование людей.

⁶ Konventionelregeln (нем.) – условные правила.

⁷ Rechtsregel (нем.) – норма права.

Отсюда а) отрицание соц[иальных] явлений в мире животных (ss. 97–98), б) отсутствие каких бы то ни было посредствующих ступеней между изолированностью и соц[иальной] жизнью (s. 116).

Нравственность не Regel» [1, л. 328–332].

Критика критического направления, принятая Лаппо-Данилевским, яснее показывает его собственные теоретические предпочтения, указания на которые содержатся в используемой терминологии, замечаниях и дополнениях. Так, он, во-первых, отсылает к психологическому истолкованию социальных явлений Г. Тарда, употребляет его термины (в частности, «изобретение»), а концепцию Штаммлера рассматривает после разбора учения Н.К. Михайловского. Во-вторых, Лаппо-Данилевский несколько раз отсылает к проблеме «чужого я», которой он придает большое значение в своей «Методологии истории». Причем, в его интерпретации, к проблеме чужой душевной жизни относится и учение о «сознании рода» Ф.Г. Гиддингса. В-третьих, формальная точка зрения Штаммлера исключает использование сравнительного метода, что, в свою очередь, влечет игнорирование учения о социальной жизни животных как посредника между природой и изучением человеческого общества. И, наконец, в-четвертых, исходным понятием при анализе социальных явлений он считает взаимодействие, а не внешнее правило. Последнее замечание Лаппо-Данилевского ближайшим образом получит развитие в концепции социального действия П.А. Сорокина.

К сожалению, все эти замечания не нашли продолжения и завершения в философско-исторической или социологической теории Лаппо-Данилевского, не приобрели форму непротиворечивого социального учения. Однако они хорошо демонстрируют, насколько избирательно и критически подходил русский ученый к существующим концепциям. Использование неокантианской терминологии еще не позволяет его самого считать в строгом смысле неокантианцем (последователем баденской или марбургской школы), а тем более бездумным эпигоном или даже популяризатором этого направления. В последней редакции «Методоло-

гии истории» он признавался, что, например, употребляет известные термины В. Виндельбанда «номотетический» и «идиографический» в «несколько ином смысле», но не «придумывает новые словообразования» и не обращается к другой терминологии, еще менее удачной [5, с. 22, прим.]. Использование неокантианской терминологии, по крайней мере отчасти, — дань научной традиции, стремление к историографической полноте изложения. В том же издании «Методологии истории» Штаммлер, например, упоминается лишь дважды, да и то в примечаниях. Правда, и этот факт не стоит абсолютизировать, поскольку завершить работу над книгой Лаппо-Данилевский не успел. Расхождение ученого с неокантианской методологией истории Е.А. Ростовцев считает принципиальным, отмечая, «что система А.С. Лаппо-Данилевского неразрывно связана с „классической методологией истории” Ш. Ланглюа и Ш. Сеньобоса, ее переосмыслением в контексте неокантианских идей. Однако положения Г. Риккерта о разграничении наук о духе и наук естественных, равно как и знаменитый тезис Г. Зиммеля о невозможности познания историком чужого сознания, т. е. основные элементы, которые внесла баденская школа в западную историко-теоретическую мысль и которые стали важнейшими основаниями крупнейших теоретико-исторических спекуляций минувшего столетия, оказались в системе А.С. Лаппо-Данилевского периферийными. Действительно, А.С. Лаппо-Данилевский пошел по пути выстраивания на основании риккертской модели истории системы „строгой науки”, т. е. по пути принципиально отличному от западной исторической мысли. В этом смысле интеллектуальные усилия А.С. Лаппо-Данилевского шли вразрез с общим ходом историко-теоретической мысли на Западе» [6, с. 298]. Однако обращение к неокантианской теории и методологии позволяло Лаппо-Данилевскому лучше отрефлексировать положения собственной «теории обществоведения», сформулировать более полное и непротиворечивое понятие о социальном явлении. Всё это осталось в виде планов и набросков, сохранившихся лишь в рукописях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331.
2. Погодин С.Н. История России в трудах А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) // Клио. 1999. № 2. С. 8–12.
3. Погодин С.Н. История России в трудах А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) // Клио. 1999. № 3. С. 44–50.
4. Погодин С.Н. Творческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 149–160.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. 278 с.
6. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: Изд-во НИИР, 2004. 349 с.

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

A. V. Malinov

THE CRITICAL CONSTRUCTION IN SOCIOLOGY (From the lectures of academician A.S. Lappo-Danilevsky)

This article was prepared on the basis of the manuscript of academician Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky (1863–1919) “On sociology”, deposited in the fund of the scientist in the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences archive (Fond 113). The ideas of A. Lappo-Danilevsky in the neo-Kantian trend in sociology, in particular, the concept of “revival of natural law” of R. Stammler. While appreciating the social and philosophical doctrine of German neo-Kantian A.S. Lappo-Danilevsky criticized R. Stammler for not a complete carrying out “formal principle” in sociology, ignoring the problem of the “other self”, etc. A.S. Lappo-Danilevsky believed that social science should not be based on an external rule, and on the concept of interaction. The article presents the fragments of the manuscript A.S. Lappo-Danilevsky.

A.S. LAPPO-DANILEVSKY; CRITICISM; NEO-KANTIAN; INTERACTION; R. STAMMLER.

REFERENCES

1. St. Peterburgskiy filial Arkhiva RAN [St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive]. F. 113. Op. 1. Yed. khr. 331.
2. Pogodin S.N. [History of Russia in the works of A. Lappo-Danilevsky (1863–1919)]. *Klio*, 1999, no. 2, pp. 8–12. (In Russ.)
3. Pogodin S.N. [History of Russia in the works of A. Lappo-Danilevsky (1863–1919)]. *Klio*, 1999, no. 3, pp. 44–50. (In Russ.)
4. Pogodin S.N. [The artistic heritage of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Voprosy istorii*, 2002, no. 5, pp. 149–160. (In Russ.)

5. Lappo-Danilevskiy A.S. *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Petrograd, 1923. 278 p. (In Russ.)

6. Rostovtsev Ye.A. *A.S. Lappo-Danilevskiy i peterburgskaya istoricheskaya shkola* [A.S. Lappo-Danilevsky and St. Petersburg historical school]. Ryazan, NIIR Publ., 2004. 349 p. (In Russ.)

MALINOV Aleksey V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016